

ОПЫТ ПРАВА: ОТ ПСИХОЛОГИЗМА ДО ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Н. И. САТОХИНА*

Статья посвящена феномену правового опыта. Проблема помещается в широкий историко-философский контекст и мыслится как часть проблемы онтологического единства. При этом вопрос о природе права трансформируется в вопрос об основаниях права в опыте и природе последнего. С целью прояснения этого вопроса рассмотрены методологические основания, сущность и внутренние противоречия ряда концепций, укореняющих право в том или ином аспекте опыта, который понимается как базовый, а также взаимосвязь между ними. Так, автор психологической теории права Л. И. Петражицкий локализует основания права в эмоциональном опыте, оставляя, однако, открытым вопрос об основаниях самих эмоций. В свою очередь феноменология права, во многом мотивированная стремлением преодолеть психологизм, усматривает первореальность права в опыте очищенного от всех предрассудков сознания, которому и открывается с очевидностью смысл (феномен) права. Вместе с тем феноменология не дает удовлетворительного ответа на вопрос о том, как связан феномен права с нашим повседневным опытом. Наконец, философская герменевтика, стремящаяся преодолеть апории феноменологического проекта, мыслит базовый уровень опыта, в котором человек оказывается причастен к миру, как опыт конкретного сущего, а структуру этого опыта — как герменевтический круг нашего существования во времени во взаимодействии с миром. Последнее осуществляется в форме диалога, исход которого никогда не предreshен заранее, а потому предполагает фундаментальную открытость и готовность признать другого в его притязании на истину, что и рассматривается как основание нормативности. Усматривая основания права уже не в психическом опыте, но и не в опыте редуцированного сознания, а в опыте как таковом, т. е. опыте собственной историчности, герменевтическая концепция права оказывается гораздо ближе к классическим онтологическим теориям естественного права, чем к позднейшим деонтологическим концепциям, укореняя должное в самой структуре опыта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: опыт права, психологическая теория права, Л. И. Петражицкий, феноменология права, герменевтическая философия права.

SATOKHINA N. I. EXPERIENCE OF LAW: FROM PSYCHOLOGISM TO PHENOMENOLOGICAL HERMENEUTICS

The article is devoted to the phenomenon of legal experience. The problem is placed into a broad historical and philosophical context and is conceived as a part of the problem of ontological unity. The question of the nature of law is transformed into the question

* Сатохина Наталья Ивановна — канд. юрид. наук, Национальный юридический университет им. Ярослава Мудрого (Украина).

Natalia I. Satokhina — PhD in Law, Yaroslav Mudryi National Law University (Ukraine).

E-mail: nataliasatokhina@gmail.com

© Сатохина Н. И., 2017

УДК 340.122

of the grounds of law in the experience and nature of the latter. To clarify this issue, the author considers the methodological foundations, essence and internal contradictions of a number of concepts that localize the law in this or that aspect of the experience which is understood as a basic one, as well as the interrelation between them. The author of the psychological theory of law L. I. Petražycki places the foundations of law in the emotional experience, keeping, however, the matter regarding the foundations of the emotions themselves unsettled. In turn, the phenomenology of law motivated in many ways by the desire to overcome psychologism sees the primary reality of law in the experience of a consciousness cleared of all prejudices, so that the sense (phenomenon) of law becomes obvious to it. At the same time, phenomenology does not provide a satisfactory answer to the question of how the phenomenon of law is related to our everyday experience. Finally, philosophical hermeneutics striving to overcome the aporias of the phenomenological project understands the basic level of experience, by which a person is connected with the world, as the experience of a specific being, while the structure of this experience is understood as a hermeneutic circle of our existence in time in interaction with the world. The latter is carried out in the form of a dialogue the outcome of which is never predetermined in advance and, therefore, implies fundamental openness and readiness to recognize the other in his claim to truth. It is this that is regarded as a basis of normativity. By discovering the basis of law neither in the mental experience, nor in the experience of the reduced consciousness, but rather in the experience as such, that is, the experience of one's own historicity, the hermeneutical concept of law is much closer to the classical ontological theories of natural law than to the later deontological conceptions, because hermeneutics enroots the due in the experience structure itself.

KEYWORDS: experience of law, psychological theory of law, L. I. Petražycki, phenomenology of law, hermeneutical philosophy of law.

Предварительные замечания. Понятие опыта как такового воплощает проблему онтологического единства, которую К. Ф. фон Вайцеккер предельно лаконично сформулировал в форме вопроса: не противоречит ли красота звездного неба тому факту, что эти звезды — лишь области ионизированного газа?¹ Иными словами, как эта красота оказывается доступна человеку: вследствие конструирования реальности, применения ряда методологических операций или непосредственной сопричастности ей?

Применительно к праву, если *jus est ars boni et aequi* (лат. право есть искусство добра и справедливости), то подлинная проблема кроется не в том, что представляют собой *boni* и *aequi*, а в том, посредством какого *ars* человек оказывается причастен к ним или что представляет собой правовой опыт. В современном мире абсолютного доминирования силы и неспособности права что-либо противопоставить ей тем более следует задаться вопросом о специфике собственно правового. Ведь если право — это всегда право сильного, то право и политика становятся практически неразличимыми, поскольку нормы и институты оказываются всего лишь

¹ Вайцеккер К. Ф. фон. Физика и философия // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 115–125.

инструментом последней. По-видимому, если и можно еще говорить о специфике права как такового, то речь пойдет о правовом опыте.

В этом плане психологическая теория права Л. И. Петражицкого представляет особый интерес, поскольку в ней впервые в центре внимания оказывается не предмет опыта, а опыт как таковой, не опыт *права*, а *опыт* права или, используя емкую формулировку канадского философа права Б. Мелкевика, не «подлежащее/субъект», а «глагол»². В попытке Л. И. Петражицкого укоренить право в непосредственном правовом переживании, или эмоциональном опыте, уже достаточно выразительно звучит основной мотив всей постклассической философии — стремление мыслить мир прежде всего не как объект нашего познания или нашего технического господства, а как то, что происходит с нами. Среди прочего, с нами происходит и право, и, по мысли Л. И. Петражицкого, происходит оно в форме эмоций особого рода. Вместе с тем опыт как таковой далеко не исчерпывается эмоциональными актами. Поэтому следует задаться вопросом: является ли именно эмоциональный опыт тем уровнем опыта, в котором основано право? Иными словами, можно ли объяснить природу нормативности исключительно в рамках психологии? И что предполагает выход за эти рамки?

Психический опыт. Л. И. Петражицкий размещает право в области психического, которое не сводится ни к физическому, чувственному, внешнему опыту, ни к способу существования недоступной в опыте духовной субстанции — души, а представляет собой особый внутренний опыт. Возможность такого опыта была обоснована австрийским философом и психологом Ф. Brentano, который в труде «Психология с эмпирической точки зрения» выделил отличительные признаки психических феноменов как специфической сферы исследования психологии. Так, ученый утверждает, что психические феномены в отличие от физических всегда содержат в себе нечто в качестве объекта, т. е. имеют интенциональный характер: «В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви — любитя, в ненависти — ненавидится и т. д.»³. Кроме того, психические феномены воспринимаются исключительно во внутреннем сознании, в то время как физические даны лишь во внешнем восприятии. Следовательно, согласно Ф. Brentano, главным отличительным признаком психических феноменов является наличие у них интенционального внутреннего существования⁴. Таким образом, в психологии обосновывается возможность внутреннего опыта, в котором человек оказывается причастен к миру.

Именно в анализе нашего внутреннего опыта Л. И. Петражицкий видит истинный путь к изучению права, выступая с резкой критикой как правового позитивизма, так и метафизических теорий естественного права. Оба учения он считает ненаучными и некритичными в том отношении, что оба

² Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права. СПб., 2015. С. 26.

³ Brentano Ф. Избранные работы. М., 1996. С. 33.

⁴ Там же. С. 42.

они исходят из представления о праве как о чем-то внешнем, а наши права и обязанности укореняют в неких мистических авторитетах — «Природе», «Разуме», «Воле народа», «Народном духе», «Государстве», — которые Л. И. Петражицкий называет «эмоциональными фантазмами, или спроецированными, идеологическими величинами»⁵. Научная же теория права, по его мнению, напротив, должна быть основана на психологической, а не на проекционной точке зрения, т. е. должна опираться не на фантазмы, а на соответствующие им реальные факты — эмоциональные и интеллектуальные процессы⁶. В этом смысле психологическая теория права представляет собой эмпирическую теорию, в соответствии с которой право — это психическое явление, определенное состояние сознания, или внутренний опыт.

Под правом в смысле реального феномена Л. И. Петражицкий понимает этические переживания, связанные с эмоциями долга. Однако, в отличие от чисто императивных нравственных переживаний, переживания правовые связаны не только с обязанностью, но и с соответствующим этой обязанности притязанием: то, к чему мы себя считаем обязанными, представляется нам причитающимся другому как нечто ему должное, на что он может притязать⁷. Соответственно, понятие права значительно расширяется, охватывая, по сути, все императивно-атрибутивные переживания — от правил разных игр и правил вежливости до правил, существующих внутри преступных организаций⁸. Весь этот обширный класс явлений делится на позитивное и интуитивное право: в отличие от позитивного права, право интуитивное не предполагает представлений о каких-либо авторитетно-нормативных фактах (законах, обычаях и т. д.) и независимо от них⁹. В этом смысле справедливость представляет собой не что иное, как интуитивное право, которое является фактором трансформации права позитивного¹⁰. При этом философ подчеркивает двустороннюю причинную связь между правом и социально-психической жизнью в целом, объясняя прогресс права бессознательным процессом социально-психического приспособления, в ходе которого улучшается человеческий характер, а вместе с ним и право¹¹.

Таким образом, по мысли Л. И. Петражицкого, всякое право основано на эмоциональном опыте. Но каковы основания самих эмоций долга? Иными словами, каковы мотивы тех или иных этических переживаний? Как указывает сам философ, «соответствующее поведение сознается не как удобное для известной цели, а как должное, независимо от каких бы то ни было целей и расчетов»¹². Отрицая как телеологическую, так и ин-

⁵ *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М., 2010. С. 63.

⁶ Там же. С. 51–73.

⁷ Там же. С. 74.

⁸ Там же. С. 108–151.

⁹ Там же. С. 464.

¹⁰ Там же. С. 494–501.

¹¹ Там же. С. 725–736.

¹² Там же. С. 496.

теллеktуальную мотивацию правовых эмоций, Л. И. Петражицкий, по сути, говорит об интуиции справедливости, или об очевидности должного. Подобным образом, размышляя о происхождении нравственного сознания, Ф. Brentано приходит к выводу об очевидности нравственного идеала, которая и обеспечивает его нормативную силу: для того чтобы нормы были действительно обязывающими, они должны быть в согласии с правилами, которые познаются разумом как долг любить высшее практическое благо. «Довольно!» — говорит правда; и в ком есть эта правда, тот слышит ее голос»¹³. В этом смысле Л. И. Петражицкий, как и Ф. Brentано, пытается преодолеть противостояние эмпиризма и рационализма путем построения своего рода экспериментальной метафизики, основанной на непосредственных данных интуиции, а значит, невольно следует за подобными же попытками феноменологов¹⁴. Последние, однако, исходят из принципиально иных методологических оснований, позволяющих осмыслить не только переживание, но и то, что переживается. Следует согласиться с Г. Д. Гурвичем, по мнению которого эмоциональная теория права Л. И. Петражицкого выходит за пределы психологии, так как от сферы субъективного переживания она возносится к области объективных данных, независимых от психических актов, которыми такие данные схватываются. Вместе с тем Л. И. Петражицкий оставляет без ответа вопрос о том, представляют ли собой оценочные характеристики справедливого и несправедливого всего лишь «проекции», или же они обладают объективной значимостью¹⁵.

Подобный вопрос возникает и в отношении социального идеала Л. И. Петражицкого. Так, философ разделяет правовую науку на науку о существующем праве и науку о правовом идеале — политику права. При этом если психологическая теория права является эмпирической, то политика права, по мысли Л. И. Петражицкого, должна быть аксиоматической и не может выводиться из эмпирических фактов. Высший идеал нравственного и правового прогресса он определяет как возобладание в социальной жизни действительной любви¹⁶. Причем этот идеал не требует доказательств, а является аксиомой практического разума¹⁷. Как отмечает Л. И. Петражицкий, оспаривать категоричность идеала любви так же нелепо, как спорить о том, что кусок колбасы значит больше, чем прекрасная симфония¹⁸. При этом остается неясным, как же существуют абсолютные ценности, и не является ли общественный идеал Л. И. Петражицкого очередным «фантазмом», пришедшим на смену «Народному духу» и «Государству», очередной «фикцией того, чего не только нет в опыте, но и быть по законам

¹³ Brentано Ф. Избранные работы. С. 131.

¹⁴ Подробнее об идее экспериментальной метафизики у Л. И. Петражицкого см.: Гурвич Г. Д. Философия и социология права: избр. соч. СПб., 2004. С. 339.

¹⁵ Гурвич Г. Д. Философия и социология права... С. 344.

¹⁶ Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Юридический вестник. 1913. Кн. II. С. 15.

¹⁷ Петражицкий Л. И. Предисловие и введение в науку политики права // Университетские известия. 1896. № 8. С. XI.

¹⁸ Там же. С. XVII.

природы не может»¹⁹. Для самого Л. И. Петражицкого это, конечно, не так. По его мнению, в отличие от правовых норм, которые являются проекциями наших эмоций, идеал любви, направляющий эволюцию права, не укоренен ни в правовом опыте, ни в эмоциональной психике человека в целом. Более того, «право существует из-за невоспитанности, дефектности человеческой психики, и его задача состоит в том, чтобы сделать себя лишним и быть упраздненным». В этом смысле идеал любви является не внутри-правовым, а сверхправовым, равно как и сверхнравственным²⁰. Соответственно, правовой опыт как таковой у Л. И. Петражицкого ограничивается опытом эмоциональным, а опыт действенной любви, представляя собой опыт иного рода, вместе с тем и не является опытом правового. При этом, однако, основатель психологической теории права последовательно отстаивает тезис о том, что всякая наука и философия должны основываться на психологии. Так, аксиоматическое познание высшей цели должно сочетаться в политике права с эмпирическим познанием правовых явлений, что сделает возможным сознательно направляемый социальный прогресс.

Таким образом, противоречивость психологической теории права связана скорее не с трудностями эмпиризма у Л. И. Петражицкого, на что указывает, например, Дж. Финнис²¹, а с проблемой онтологического единства: основатель психологической теории права не выводит должное из опыта, а постулирует его аксиоматическое существование, воспроизводя классический метафизический жест удвоения реальности, на преодоление которого, казалось бы, его теория и была направлена. При этом вопрос о взаимосвязи двух миров, т. е. вопрос о природе нормативности, в рамках психологической теории остается открытым.

Преодоление психологизма в понимании опыта, в том числе правового, стало одним из ключевых мотивов феноменологии.

Феноменологический опыт. Основатель феноменологии Э. Гуссерль описывает ключевую ошибку эмпиризма как «натурализацию разума» — наивное признание объективного мира просто наличным, а сознания — частью этого природного мира, которая подчиняется его законам. В результате психология как эмпирическая наука о психических фактах стала рассматриваться в качестве основы таких чистых наук, как логика и аксиология, в чем и состоит суть психологизма. В свою очередь Э. Гуссерль убежден, что строгая философия должна начинаться с критического отношения к объективности мира²². Для того чтобы избежать наивного объективизма, он разрабатывает концепцию феноменологической редукции — перехода от естественной установки (в которой эмпирический

¹⁹ *Петражицкий Л. И.* К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права. С. 10.

²⁰ Там же. С. 48–49.

²¹ *Finnis J.* Some Questions about Normativity and History in Petrażycki. Text of the report at the International Academic Conference “The Scientific Legacy of Leon Petrażycki: History and Modernity (on the 150th Anniversary of his Birth)” (Saint Petersburg, 14–15 December 2017). P. 2.

²² *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 129–174.

субъект убежден в существовании мира и рассматривает себя как его часть) к феноменологической (в которой мир «заключается в скобки», чтобы дать возможность сознанию обратиться к самому себе). В ходе этой процедуры мы: 1) возвращаемся к собственному непосредственному опыту как опыту смыслов (феноменов), а не объектов, в то время как для эмпириков и сенсуалистов опыт состоял в познании предметов, потусторонним сознанию; 2) отвлекаемся от частных примеров, чтобы исследовать их инвариантную сущность — эйдос; 3) очищаем сознание от индивидуального Я до чистой субъективности, сознания как такового, конституирующего мир. Таким образом, речь идет о том, чтобы исключить все предрассудки, которые мешают видеть смыслы, с очевидностью открывающиеся редуцированному сознанию²³.

Среди прочего, сознанию, очищенному от эмпирической конкретности, открывается и первореальность права, его смысл, или феномен. Так, Н. Н. Алексеев описывает феномен права как многомерную правовую структуру, основанную на ценностях²⁴, Г. Гуссерль — как творение воли правовой общности²⁵, А. Райнах — как априорные правовые закономерности²⁶. Обнаруженный в феноменологическом опыте смысл права имеет характер очевидности. Однако, в отличие от концепции «интуитивного права» Л. И. Петражицкого, здесь речь идет не об эмпирической (относительной), а об интеллектуальной (абсолютной) очевидности, которая не зависит от каких-либо эмпирических условий. В отличие от психологической, логическая очевидность есть не только характеристика акта созерцания, но и атрибут того смысла, который схватывается в этом акте²⁷.

Феноменология права, таким образом, представляет собой концепцию правового опыта, принципиально отличную от концепции Л. И. Петражицкого. Если последний ограничивает опыт права эмоциональным опытом эмпирического субъекта, порождая обоснованные обвинения в субъективизме, то феноменологи, напротив, сводят опыт права как опыт смысла к опыту трансцендентального сознания, что позволяет укоренить право в сознании человека, избежав при этом субъективизма и релятивизма. Вместе с тем феноменология права оставляет открытым вопрос о взаимосвязи феномена права с нашим повседневным опытом. Неспособность дать удовлетворительное объяснение тому, как соотносятся право трансцендентальное и эмпирическое, является следствием противоречивости трансцендентальной философии сознания в целом. Как связаны между собой естественная и феноменологическая установка, объект и его смысл? Э. Гуссерль исходит из предубеждения о существо-

²³ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 2009. С. 51–120.

²⁴ Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999.

²⁵ Гуссерль Г. Право и мир // Правоведение. 2015. № 3. С. 153–188.

²⁶ Райнах А. Априорные основания гражданского права // Райнах А. Собр. соч. М., 2001. С. 153–326. — См. также: Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. С. 114–124; Стомба А. В. Темпоральная онтология права. СПб., 2017. С. 94–134.

²⁷ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии... С. 275–279.

вании корреляции между ними — фундаментальной феноменологической иллюзии. Иными словами, если психологизм некритически принимает существование объективного мира, то феноменология, в свою очередь, некритически постулирует корреляцию мира и сознания.

Первичная установка, от которой отталкивается феноменолог, состоит в том, что сознание уже некоторым образом очищено не только от наивного признания объективности мира, но и от всякой конкретности, в том числе индивидуального Я. Такой опыт сознания является дотеоретическим, ибо предполагает отказ от всех предрассудков, в том числе теоретических конструктов. Но непосредственность этого опыта — результат методических действий самого сознания. Таким образом, весь феноменологический опыт оказывается конструкцией, а всякая конструкция — вне предметной сферы феноменологии. На это, в частности, указывает М. Хайдеггер, когда говорит о том, что «феноменологическое рассмотрение должно исходить из естественной установки, т. е. из сущего, как оно дается первоначально. Тем самым должен быть обретен и предварительный взгляд на бытийное определение сущего, в котором сознание и разум конкретны, включены в бытийную определенность конкретного сущего, именуемого человеком»²⁸. Ответ на вопрос о том, «что это за существо, бытие которого состоит в понимании»²⁹, и стал основным мотивом феноменологической герменевтики.

Герменевтический опыт. Герменевтика пытается преодолеть апории трансцендентальной философии сознания, показывая, что опыт — это предвзятое отношение к вещам в мире, а структура опыта — это герменевтический круг нашего темпорального существования в единстве с миром, т. е. исторического существования. Историческое же не может быть приведено к очевидности как чистой актуальности, как это представлялось Э. Гуссерлю. Как отмечает М. Мерло-Понти, «нам не отстраниться от жизни. Нам не дано увидеть ни идею, ни свободу в лицо»³⁰. Мы всегда обнаруживаем себя частью истории, уже существующей до нашей рефлексии и действующей через нас так, что мы далеко не всю свою обусловленность способны постичь. Однако, будучи историчным, опыт представляет собой не наличность, а возможность, имея структуру проекта, ограниченного собственной историчностью. Являясь частью той или иной традиции, мы так или иначе всегда говорим от ее имени. Вместе с тем ответы на вопросы, поставленные современностью, сами становятся частью традиции, которая в своем обновленном виде определяет предпонимание тех, кто будет обращаться к ней в будущем. При этом речь идет не о слепом подчинении авторитету традиции, а, скорее, о диалоге с последней, изменяющем обоих его участников³¹.

²⁸ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998. С. 115.

²⁹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 2008. С. 43.

³⁰ Мерло-Понти М. Сомнения Сезанна // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М., 2017. С. 118.

³¹ Подробнее о герменевтическом круге см.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988. С. 317–363.

Таким образом, изначальный опыт представляет собой не произвольное создание смысла (опыт искусства), но и не постижение неизменных истин (теоретический опыт), а опыт выбора в ситуации неопределенности, ограниченного лишь собственной историчностью. Для прояснения этой идеи М. Хайдеггер обращается к «Никомаховой этике» Аристотеля, в частности к идее рассудительности (фронезиса), которая понимается как умение действовать в непредвиденной ситуации, готовность к встрече с неожиданным, в отличие от познания на основе аксиом и принципов. Так, Аристотель выделяет три типа знания, соответствующие трем формам человеческого опыта: 1) научное знание — эпистеме (*ἐπιστήμη*) — выражается в теории и касается вещей неизменных, например, законов природы; 2) знание в сфере творчества — технэ (*τέχνη*) — применяется в искусстве и представляет собой мастерство, технологию, умение создавать что-то новое; 3) практическое знание — фронезис (*φρόνησις*) — представляет собой морально-практическую мудрость относительно правильных действий в конкретной ситуации. В отличие от эпистеме (знания «почему»), технэ и фронезис касаются вещей конкретных и изменчивых, при этом технэ (знание «как») — это сфера производства, тогда как фронезис — сфера действия³². Именно во фронезисе М. Хайдеггер усматривает не только модель собственной идеи философии, но и наиболее подлинный способ обхождения с миром вообще, т. е. ту изначальную основу опыта, которая впоследствии дифференцируется и поддается забвению, что, в свою очередь, приводит к приоритету познавательной модели теории в западноевропейской традиции³³. Как справедливо отмечает Б. Флибберг, показательным относительно масштабов «теоретизации» современного мышления является то, что сегодня в европейских языках даже нет производных от *φρόνησις* слов, в то время как *ἐπιστήμη* находим в современных словах «эпистемология» и «эпистемологический», а *τέχνη* — в «технология» и «технический»³⁴. Нацеленная на реабилитацию идеи фронезиса, герменевтическая философия отходит от чистого надысторического знания: мы не стоим перед фактами, которые только устанавливаем, но непосредственно затронуты тем, что познаем и на что направлено наше действие. Этим и определяется главное отличие эпистеме от фронезиса, который всегда предполагает возможность выбора.

Осмыслению фронетического опыта как способа нашего бытия в мире посвящен основной труд ученика М. Хайдеггера Х.-Г. Гадамера «Истина и метод». Х.-Г. Гадамер исходит из того, что опыт никогда не исчерпывается теорией, и, соответственно, постижение истины превышает область, контролируемую какой-либо научной методикой. Научному, теоретическому опыту мира («методу») он противопоставляет морально-практическую мудрость (фронезис) как опыт герменевтического постижения «истины».

³² Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 173–218.

³³ Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (экспозиция герменевтической ситуации). СПб., 2012. С. 130 и сл.

³⁴ Flyvbjerg B. Making Social Science Matter: Why Social Inquiry Fails and How It Can Succeed Again. Cambridge, 2001. P. 3–4.

В противовес монологу выработанного Новым временем «метода» фронезис всегда диалогичен. Герменевтическая ситуация, в которой мы находимся по отношению к миру, подобна разговору, участники которого стремятся не отстоять свою позицию и не принять позицию собеседника, а понять суть самого дела, о котором идет речь³⁵. В подобном ключе П. Слотердаjk различает два типа отношения исследователя к «объекту». В первом случае речь идет о примате метода над предметом исследования, или познающего над познаваемым. Результатом такого превосходства становится представление о том, что все настоящие науки в конце концов будут иметь по поводу одной проблемы только одну правильную теорию. Там же, где существует несколько гипотез, выдает себя слабость субъекта, которая дает вещам шанс показать себя в их многозначности: «Чем слабее наши методы, тем лучше для “вещей”». В свою очередь, по мнению П. Слотердайка, признание приоритета объекта, основанного, однако, не на подчинении, а на «любви», только и способно обеспечить подлинное взаимопонимание: «Способность отдавать приоритет объекту была бы равнозначна способности жить и давать жить другим (а не “жить и давать умереть другим”)³⁶».

Таким образом, речь идет о необходимости признать другого (будь то другой человек как собеседник, традиция, в которую мы погружены, или мир в целом) в его притязании на то, чтобы быть услышанным не в смысле простого признания его инаковости, «но в том смысле, что у него действительно есть что мне сказать»³⁷. А это требует принципиальной открытости различным ответам на поставленный вопрос и готовности к опыту как готовности пересмотреть свои предубеждения, ибо «всякий опыт, достойный этого имени, идет вразрез с нашими ожиданиями»³⁸. При этом главным результатом понимания оказывается не убеждение или навык; опыт учит нас главным образом тому, чтобы оставаться открытыми для нового опыта³⁹.

Герменевтическая концепция опыта положена в основу герменевтической философии права. Так, по мнению П. Рикёра, высказывание права при конкретных обстоятельствах судебного процесса представляет собой парадигматический пример фрoнетического опыта, который, как и философствование, невозможен вне свободного мышления, как невозможна медицина без способности врача выйти за пределы стандартизированных рекомендаций и принять решение в ситуации неопределенности⁴⁰. На значение контекста для правового суждения указывает еще Аристотель, когда отмечает, что «любой закон составлен для общего случая, однако о некоторых вещах невозможно сказать правильно в общем виде»⁴¹. Именно здесь Х.-Г. Гадамер видит подлинную проблему юридической герменев-

³⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С. 448.

³⁶ Слотердаjk П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2009. С. 537–542.

³⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С. 425.

³⁸ Там же. С. 419.

³⁹ Там же. С. 426.

⁴⁰ Рикёр П. Справедливое. М., 2005. С. 249–259.

⁴¹ Аристотель. Никомахова этика. С. 168.

тики: образцы поведения не являются вечными и неизменными, но вместе с тем они — не простые конвенции, поскольку отражают природу вещей, и дело лишь в том, что эта последняя определяет себя всякий раз только в применении⁴².

Иллюстрацией подобной герменевтической точки зрения может быть позиция судьи Верховного суда США Д. Саутера, который в своем особом мнении в деле *Washington v. Glucksberg* (1997) выступает против претензии суда на беспристрастное определение «фундаментальных» конституционных прав, существующих как «внетекстовые абсолютные величины». Вместо этого, по мнению Д. Саутера, суду следовало бы сосредоточиться на обстоятельствах самого дела: мы не можем судить о каких-либо конституционных правах прежде рассмотрения доводов сторон по конкретному делу, поскольку права скорее обуславливаются обстоятельствами дела, чем дедуцируются из абстрактных принципов⁴³.

Таким образом, опыт права не сводится ни к науке, ни к технологии, поскольку предполагает скорее не извлечение существующих правовых смыслов из авторитетных источников с целью их последующего применения к той или иной ситуации, но и не произвольное конструирование этих смыслов, а их воспроизводство в диалоге с традицией, частью которой мы являемся, фронетическим опытом понимания в разговоре. Иными словами, не существует абсолютных правовых ценностей, но понимание и не релятивно, поскольку всегда укоренено в традиции, которая вместе с событием является условием возможности опыта права как опыта понимания. Авторитет традиции основан лишь на том, что мы не можем избежать собственной вовлеченности в нее, что не исключает возможности критики. Более того, пересмотр традиции так или иначе происходит в каждом конкретном случае «применения». При этом критерий «правильности» содержится в самой структуре подлинного опыта, предполагающей фундаментальную открытость.

Думается, именно в этом смысле следует понимать тезис П. Рикёра о том, что война является животрепещущей темой политической философии, в то время как такой же темой философии права выступает мир⁴⁴. Горизонтом правового суждения всегда остается взаимное признание как условие возможности опыта. Нетрудно заметить параллели между идеей П. Рикёра о мире как своего рода утопии права⁴⁵ и идеалом деятельной любви Л. И. Петражицкого. Но если последний называет этот идеал сверхправовым и даже сверхнравственным, имея в виду право как эмпирический факт, то французский философ укореняет утопию мира в природе права как герменевтического опыта.

⁴² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С. 379.

⁴³ См. об этом: *Mootz F.-J. III. Law, Hermeneutics and Rhetoric*. Ashgate, 2010. P. 319–324.

⁴⁴ Рикёр П. Справедливое. С. 12.

⁴⁵ Подробнее см.: Рикёр П.: 1) Справедливое. С. 155–170; 2) Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 27–36.

Заключительные замечания. Обращение к понятию опыта мотивировано прежде всего желанием вернуться к осмыслению права как такового в его ненасильственной специфичности, которая становится все менее очевидной в современную эпоху разгула насилия. Все упомянутые нами концепции, будучи достаточно разными, а порой и принципиально противоположными в мировоззренческо-методологическом плане, тем не менее объединены намерением прояснить природу нормативности исходя из самого опыта, а не внешней по отношению к нему силы. Вопрос только в том, о каком именно опыте идет речь.

Так, следует согласиться с выводом Дж. Финниса: в рамках психологической теории права Л. И. Петражицкого, который сводит опыт права к эмоциональному опыту, а основания этих эмоций наделяет мистически-авторитетным характером, вопрос о том, почему мы должны следовать тем или иным эмоциям, остается без ответа. По мысли же Дж. Финниса, права и обязанности являются не проекциями эмоций, но истинами разума, даже если они не отсылают ни к каким реальным «сущностям» или «процессам»⁴⁶. Своего рода компромиссом между эмпиризмом и рационализмом является феноменологическое сведение первореальности права к априорным правовым закономерностям, которые, однако, открываются через интуитивное мышление только очищенному от всякой конкретности трансцендентальному сознанию.

В свою очередь, герменевтика показывает, что не существует чистого долженствования или чистой значимости, очищенной от фактичности. Сущее и должное сходятся в понятии смысла, так как должное укоренено в неизбежном предпонимании, а потому универсальные смыслы права могут быть помыслены только на основе универсальных условий возможности опыта. Так нормативность, которую не удастся в полной мере укоренить ни в эмоциональном опыте эмпирического субъекта, ни в редуцированном опыте трансцендентального сознания, обретает основания в герменевтическом опыте как опыте собственной историчности. И в этом плане герменевтическая установка на открытость оказывается гораздо ближе опыту права, чем установка на утверждение абсолютных правовых ценностей, поскольку, в отличие от учения Л. И. Петражицкого об общественном идеале, герменевтика укореняет избыточную идею взаимного признания в структуре самого опыта.

В этом смысле герменевтика совместима скорее не с деонтологическими теориями (каковой, например, является теория Дж. Финниса), а с онтологическими концепциями естественного права (такими как концепция Л. Вайнреба), предполагающими объективные основания морали в нашем историческом опыте. Речь идет об «утверждении реальности нашего морального опыта, не просто как субъективных чувств или убеждений, но как чего-то объективно реального, части того, что есть на самом

⁴⁶ *Finnis J. Some Questions about Normativity... P. 6.*

деле»⁴⁷. При этом если, по мнению Дж. Финниса, из ряда очевидных для разума фундаментальных человеческих интересов можно дедуцировать конкретные права и обязанности, то в герменевтической философии права речь идет скорее не о провозглашении моральных истин, а лишь о признании истины морального опыта⁴⁸. Ценой знания оказывается отказ от абсолютного знания. Герменевтическая концепция опыта напоминает нам о том, что правосудие может быть только человеческим, никогда не претендуя на окончательное суждение, что блестяще выразил П. Рикёр через символ отделения Дике, человеческой справедливости, от Фемиды, «последнего и мрачного прибежища приравнивания Мести к Правосудию»⁴⁹.

Литература

- Алексеев Н. Н.* Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 256 с.
- Аристотель.* Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53–293.
- Брентано Ф.* Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с.
- Вайцзеккер К. Ф. фон.* Физика и философия // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 115–125.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Гурвич Г.* Философия и социология права: избр. соч. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 848 с.
- Гуссерль Г.* Право и мир // Известия вузов. Правоведение. 2015. № 3. С. 153–188.
- Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
- Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 357 с.
- Максимов С. И.* Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков: Право, 2002. 328 с.
- Мелкевик Б.* Юридическая практика в зеркале философии права. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015. 288 с.
- Мерло-Понти М.* Сомнения Сезанна // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект, 2017. С. 102–118.
- Петражицкий Л. И.* К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Юридический вестник. 1913. Кн. II. С. 5–59.
- Петражицкий Л. И.* Предисловие и введение в науку политики права // Университетские известия. 1896. № 8. С. I–XCIX.
- Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 800 с.
- Райнах А.* Априорные основания гражданского права // Райнах А. Собр. соч. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 153–326.

⁴⁷ *Weinreb L.* Natural Law and Rights // Natural Law Theory: Contemporary Essays. Oxford, 1992. P. 298.

⁴⁸ Подробнее о параллелях между герменевтикой и онтологическими концепциями естественного права см.: *Mootz F.-J. III.* Law, Hermeneutics and Rhetoric. P. 297–303.

⁴⁹ *Рикёр П.* Справедливое. С. 170.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. 695 с.

Рикёр П. Справедливое. М.: Гнозис, Логос, 2005. 304 с.

Рикёр П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 27–36.

Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2009. 800 с.

Стовба А. В. Темпоральная онтология права. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2017. 355 с.

Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. 384 с.

Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (экспозиция герменевтической ситуации). СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2012. 224 с.

Finnis J. Some Questions about Normativity and History in Petrażycki. Text of the report at the International Academic Conference “The Scientific Legacy of Leon Petrażycki: History and Modernity (on the 150th Anniversary of his Birth)” (Saint Petersburg, 14–15 December 2017).

Flyvbjerg B. Making Social Science Matter: Why Social Inquiry Fails and How It Can Succeed Again. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 212 p.

Mootz F.-J. III. Law, Hermeneutics and Rhetoric. Ashgate, 2010. 492 p.

Weinreb L. Natural Law and Rights // Natural Law Theory: Contemporary Essays. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 278–308.

References

Alekseev N. N. *Osnovy filosofii prava [Foundation of the Philosophy of Law]*. St. Petersburg, Lan Publ., 1999. 256 p. (In Russian)

Aristotle. *Nikomakhova etika [Nicomachean Ethics]*. Aristotle. *General Works in 4 vols.* Vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1983, pp. 53–293. (In Russian)

Brentano F. *Izbrannye raboty [Selected Works]*. Moscow, Dom intellektualnoi knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 1996. 176 p. (In Russian)

Finnis J. *Some Questions about Normativity and History in Petrażycki*. Text of the report at the International Academic Conference “The Scientific Legacy of Leon Petrażycki: History and Modernity (on the 150th Anniversary of his Birth)” (St. Petersburg, 14–15 December 2017).

Flyvbjerg B. *Making Social Science Matter: Why Social Inquiry Fails and How It Can Succeed Again*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 212 p.

Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevtiki [Truth and Method]*. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. (In Russian)

Gurvitch G. *Filosofii i sotsiologii prava: izbr. soch. [Philosophy and Sociology of Law: Selected Works]*. St. Petersburg, Izdatelskii Dom St. Peterb. gos. un-ta, Izdatelstvo iuridicheskogo fakulteta St. Peterb. gos. un-ta, 2004. 848 p. (In Russian)

Heidegger M. *Fenomenologicheskie interpretatsii Aristotelia (Ekspozitsiia germenevticheskoi situatsii) [Phenomenological Interpretations of Aristotle (Initiation into Phenomenological Research)]*. St. Petersburg, Gumanitarnaia akademiia Publ., 2012. 224 p. (In Russian)

Heidegger M. *Prolegomeny k istorii ponyatiia vremeni [History of the Concept of Time: Prolegomena]*. Tomsk, Vodolei Publ., 1998. 384 p. (In Russian)

Husserl E. *Filosofiiia kak strogaia nauka [Philosophy as Rigorous Science]*. Novocherkassk, Saguna Publ., 1994. 357 p. (In Russian)

Husserl E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii* [*Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2009. 489 p. (In Russian)

Husserl G. Pravo i mir [Law and World]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2015, no. 3, pp. 153–188. (In Russian)

Maksimov S. I. *Pravovaia realnost': opyt filosofskogo osmysleniia* [*Legal Reality: Experience of Philosophical Reflection*]. Kharkov, Pravo Publ., 2002. 328 p. (In Russian)

Melkevich B. *Iuridicheskaiia praktika v zerkale filosofii prava* [*Legal Practice in the Mirror of Legal Philosophy*]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2015. 288 p. (In Russian)

Merleau-Ponty M. Somnieniia Sezanna [Cézanne's Doubt]. (*Post*)fenomenologiia: novaia fenomenologiia vo Frantsii i za ee predelami [(*Post*) phenomenology: a New Phenomenology in France and Beyond]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2017, pp. 102–118. (In Russian)

Mootz F.-J. III. *Law, Hermeneutics and Rhetoric*. Ashgate, 2010. 492 p.

Petrażycki L. K voprosu o sotsialnom ideale i vrozozhdenii estestvennogo prava [On the Question of the Social Ideal and the Revival of Natural Law]. *Iuridicheskii vestnik* [*Law Herald*], 1913, vol. 2, pp. 5–59. (In Russian)

Petrażycki L. Predislovie i vvedenie v nauku politiki prava [Foreword and Introduction to Science of the Policy of Law]. *Universitetskie izvestiia* [*University Proceedings*]. 1896, no. 8, pp. I–XCIX. (In Russian)

Petrażycki L. *Teoriia prava i gosudarstva v sviazi s teoriei нравственности* [*Theory of Law and the State in Connection with the Theory of Morality*]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2010. 800 p. (In Russian)

Reinach A. Apriornye osnovaniia grazhdanskogo prava [A priori Foundations of the Civil Law]. Reinach A. *Sobranie sochinenii* [*Collection of works*]. Moscow, Dom intellektualnoi knigi Publ., 2001, pp. 153–326. (In Russian)

Ricoeur P. *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenевtike* [*The Conflict of Interpretations. Essays in Hermeneutics*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008. 695 p. (In Russian)

Ricoeur P. *Spravedlivoie* [*The Just*]. Moscow, Gnozis, Logos Publ., 2005. 304 p. (In Russian)

Ricoeur P. Torzhestvo iazyka nad nasiliem. Germenевticheskii podhod k filosofii prava [The Victory Language Gains over Violence]. *Voprosy filosofii* [*Issues of Philosophy*]. 1996, no. 4, pp. 27–36. (In Russian)

Sloterdijk P. *Kritika tsinicheskogo razuma* [*Critique of Cynical Reason*]. Ekaterinburg, U-Faktoriia Publ., Moscow, AST MOSKVA Publ., 2009. 800 p. (In Russian)

Stovba O. V. *Temporalnaia ontologiia prava* [*The Temporal Ontology of Law*]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2017. 355 p. (In Russian)

Weinreb L. Natural Law and Rights. *Natural Law Theory: Contemporary Essays*. Oxford, Oxford University Press, 1992, pp. 278–308.

Weissäcker K. F. von. Fizika i filosofiiia [Physics and Philosophy]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 1, pp. 115–125. (In Russian)